

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ СРЕДИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПОСЛЕВОЕННОМ СЕВЕРНОМ КИТАЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Н. А. МАРТЫНОВА)

Исследование, основанное на неопубликованных мемуарах русского эмигранта Н. А. Мартынова, посвящено деятельности советских спецслужб среди русской эмиграции в Северном Китае после Второй мировой войны в контексте советско-американского противостояния начального периода «холодной войны». Методологическая основа работы — антропологический подход и принцип системности. Особый акцент сделан на работе советского консульства и других организаций по расколу русской эмиграции в Тяньцзине, ее советизации и последующей репатриации.

Ключевые слова: советские спецслужбы, эго-документы, Северный Китай, США, русская эмиграция, Тяньцзинь, Пекин, Н. А. Мартынов.

Постановка вопроса. Практически все исследователи деятельности советских спецслужб среди русской эмиграции в Китае [1–9] ссылаются на известный двухтомник П. П. Балакшина «Финал в Китае», который вышел в 1958–1959 гг. в издательстве «Сириус» и был переиздан в 2013 г. с комментариями А. А. Хисамутдинова [10]. В фокусе внимания Балакшина был процесс «внедрения и переманивания» советскими агентами русских эмигрантов в Маньчжурии на свою сторону. Достоинством и в то же время недостатком этого исследования является то, что П. П. Балакшин писал его «по горячим следам», используя как официальные данные, материалы прессы, так и непосредственные свидетельства эмигрантов — информаторами его были Ю. А. Черемшанский, Н. Ф. Богунский, И. П. Казнов, И. Г. Карнаух, Н. А. Мартынов и др. О подполковнике Мартынове и его воспоминаниях, которые были написаны по просьбе Балакшина и рукописи которых он передал в Бахметевский архив [11], стоит сказать подробнее.

Цель нашего исследования — охарактеризовать личность Н. А. Мартынова, проанализировать по его мемуарам деятельность советских спецслужб в Северном Китае в 1945–1948 гг.

Основная часть. Николай Андреевич Мартынов (1895–[1966]) был сыном крестьянина Самарской губернии, учитель по профессии, поступил добровольцем в армию в 1914 г. В 1916 г. окончил Владимирское военное училище, служил офицером в 83-м и 37-м Сибирских стрелковых полках. Был отмечен в 1917 г. орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом [12, л. 3 об.]. После революции поступил в Добровольческую армию; позднее воевал в белой Сибири, подполковник 1-й Самарской дивизии, с конца 1920 г. — 1-го Волжского стрелкового им. генерала Капеля полка. Служил в контрразведывательном отделении штаба 3-го

стрелкового корпуса. Из Приморья эвакуировался в конце 1922 г. в Корею. С марта 1923 г. — в Харбине, работал кондуктором, учителем русского языка в китайской школе, извозчиком, репетитором, с 1932 г. служил надзирателем особого отдела Департамента полиции [13, с. 3]. Мартынов вел также параллельную жизнь, участвовал в антибольшевистском движении, организовывал партизанские отряды для походов на советскую территорию [14]. Исследователь С. В. Смирнов упоминал, что Мартынов был членом Братства Русской правды, возможно, «вел двойную игру», против него выдвигались обвинения в секретной работе на японцев и в связях с советской разведкой [15, с. 205, 232].

9 октября 1932 г. Мартынов в Харбине случайным выстрелом из револьвера убил полковника А. Г. Аргунова. С. Еремин в своей книге утверждает, что Мартынов «сознательно лишил жизни своего боевого товарища и командира» [16, с. 198]. Версию об умышленном убийстве Аргунова с санкции японских оккупационных властей поддерживает П. Н. Базанов [3, с. 182]. А. В. Седунов сообщает, что Мартынов убил Аргунова — председателя Дальневосточного отдела БРП, являясь агентом ОГПУ [17, с. 165], однако не приводит никаких доказательств. Сам Мартынов факт убийства отрицал, ссылаясь на материалы следствия, в результате которого полицейским Л. Н. Горошкевичем было установлено, что смерть Аргунова наступила в результате случайного выстрела, связанного с неисправностью пистолета [11]. В любом случае смерть Аргунова бросила тень на репутацию Мартынова.

В 1933 г. Мартынов был арестован по делу о похищении и убийстве пианиста Семена Каспе, находился в заключении, был амнистирован в 1937 г. После освобождения из тюрьмы по предложению лидера Российской фашистской партии (РФП) К. В. Родзаевского стал начальником особого отдела

РФП, но в партию вступить отказался. Занимался активной контрразведывательной деятельностью в пользу японских спецслужб [18, с. 318]. В августе 1945 г. в связи с наступлением РККА в Маньчжурии он вместе с другими эмигрантами выехал из Харбина в Тяньцзинь. В 1949 г. был эвакуирован на о. Тубабао (Филиппины), где жил в беженском лагере более двух лет, ходатайствовал о визе в США и после отказа в 1952 г. оказался в приюте в Блужи (Бельгия) (Belgium, Vlaugies).

В приюте Мартынов вел дневник (сохранилось 12 тетрадей за 1952–1955 гг.) [11], в которых он постоянно возвращается к прошлому. Так, анализируя причины поражения Белого движения, Мартынов приходит к выводу, что «если закваска плохая, то и все тесто пропадет». Когда на смерть Сталина в 1953 г. многие в эмиграции отозвались с сожалением, Мартынов заметил, что «коммунистической инфекция в среде эмигрантов не изжита», причем был уверен, что разложение эмиграции — результат работы советской агентуры, «попустительства, покровительства и непротивления большевистско-коммунистическому злу». В целом из его воспоминаний, дневников и прочих документов вырисовывается портрет религиозного человека, для которого борьба с советской властью была основана на идее жертвенности и любви к России. Показателен его эпитаф к мемуарам: «Все лучшие годы своей жизни отдал на борьбу за правду-Россию, во имя правды Божией, которая и будет основой в моих воспоминаниях» [11].

Судя по записям в дневнике, Мартынов в Блужи страдал от одиночества и разрыва с семьей (жена и дочь смогли переехать в США). «Жизнь в богадельне похожа на жизнь пауков в банке, — писал он в дневнике, упоминая о скоках, подхалимаже, нахальстве. — К нам, русским насельникам, относятся как к старым вещам, взятым на хранение за определенную плату. И чтобы не лишиться этой платы, то как-то заботятся о нас» [11]. Возможно, поэтому Мартынов с радостью ухватился за предложение П. П. Балакшина (первое письмо от него было получено Мартыновым 20 мая 1954 г.) написать воспоминания об эмигрантском периоде жизни. В октябре 1954 г. Мартынов на присланные Балакшиным деньги купил в Брюсселе печатную машинку за 4400 франков и уже с февраля 1955 г. начал печатать под копирку в 3-х экземплярах свои воспоминания, озаглавив их «О жизни и политических событиях в Харбине, в Маньчжурии и вообще на Дальнем Востоке с упором на Белую армию за период 1923–1948 гг.». Текст воспоминаний Мартынов высылал Балакшину частями по 30–60 страниц. В ноябре 1955 г. Балакшин, будучи в Европе, встретился в Брюсселе с Мартыновым, который оставил об этом запись в дневнике: «встреча средняя» [11]. На П. П. Балакшина Мартынов произвел неприятное впечатление: «Небольшого роста, худощавый, с узким темным лицом и странной походкой, казалось, его ноги двигались от колен» [10, т. 1, с. 42]. Но их сотрудничество продолжалось в 1956–1957 гг.

Н. А. Мартынов в силу специфики своей деятельности посвятил значительное число страниц своих воспоминаний работе разных разведок в Китае (японской, американской, британской, французской, советской), о которой был неплохо осведомлен. Мартынов знал немало о деятельности советских спецслужб в Маньчжурии, причем, по его словам, у него были осведомители в числе работ-

ников Генерального консульства СССР в Харбине. Он отмечал, что, несмотря на «неудачи и провалы», резидентура ОГПУ–НКВД в своей «соввредительской работе» постоянно меняла принципы, систему работы, структуру, руководителей и работников.

Свои мемуары Мартынов начал с 1945 г., который для него стал точкой отсчета, причем глава называлась «Перед началом конца». Именно этот текст лег в основу одного из самых захватывающих сюжетов книги П. П. Балакшина — о бегстве части эмигрантов из Харбина на юг Китая в августе 1945 г. и обработке лидеров эмиграции — Л. Ф. Власевского, К. В. Родзаевского и др. — советскими спецслужбами [10, т. 2, с. 99–180]. Однако некоторые подробности, в том числе деятельность советской разведки в послевоенном Северном Китае, не вошли в книгу, что не удивительно — первая глава воспоминаний Мартынова составила более 300 машинописных страниц, которые, по словам Балакшина, были «спешно написаны и поэтому местами весьма сумбурные» [10, т. 2, с. 177]. Действительно, многое в мемуарах Мартынова спорно, вызывает вопросы, и относиться к ним следует осторожно. Так, в бумагах другого активного антибольшевика, прожившего долго в Китае, А. П. Воробчука содержится небольшая записка без подписи и даты, по-видимому, от кого-то из эмигрантов с о. Тубабао: «Со мной едет совершенно больной психически и физически, озлобленный Н. А. Мартынов. Горе его еще в том, что из аршина делает версту. ...Сам антикоммунист, много заслуг в деле борьбы с большевиками, но, доверяя нечестным информаторам, делал много ошибок, которые отражались на невинных жертвах. <...> Мартынов располагает большими сведениями о работе большевиков, что сейчас очень ценно, но все его сводки знающие лица должны тщательно проверить. ...Сам он еще усидчивый, кропотливый работник за письменным столом» [19].

Судя по всему, Мартынов писал по памяти, сообщив, что весь свой архив (8 ящиков) сжег перед отъездом из Харбина в Тяньцзинь в августе 1945 г. Но некоторые факты действительно подтверждаются, к тому же нельзя отказать Мартынову в наблюдательности, обилии деталей, которые и делают этот материал ценным для исследователей. К тому же, если послевоенный период жизни русской эмиграции в Харбине и Шанхае довольно хорошо освещен в литературе, то ситуация в Северном Китае — Тяньцзине и Пекине — нуждается в дальнейшем изучении. В связи с этим видится особо актуальным анализ деятельности советских спецслужб в Северном Китае в 1945–1948 гг. по мемуарам Н. А. Мартынова. Важно заметить, что воспоминания написаны с позиции проигравшего, активного антибольшевика, что можно считать преимуществом, так как автор анализирует слабые места эмиграции и причины успеха СССР.

Начало советско-японской войны 9 августа 1945 г. застало русских эмигрантов в Маньчжурии врасплох, вызвало панику и растерянность. Большинство русской колонии было настроено просоветски. По мнению Мартынова, именно успешная «перековка из эмигрантов в совпатриотов» заставила многих активных деятелей эмиграции остаться в Харбине, отказавшись от предложения японцев выехать на юг: так, из записавшихся на отъезд 126 человек на Харбинский вокзал вечером 12 августа прибыло много меньше [20]. При отправлении поезда рано утром 13 августа 1945 г. в нем было 46 русских эмигрантов, включая членов семей:

сам Мартынов с женой и дочерью, К. В. Родзаевский (его жена с ребенком и брат остались в Харбине), полковник М. А. Демишхан с женой, полковник Н. Б. Коссов с женой и матерью, генерал Л. Ф. Власьевский с женой, ребенком и няней, его тесть инженер Р. М. Башкевич с женой, его сын В. Л. Власьевский с женой, М. Н. Гордеев, С. А. Кудрявцев, С. И. Долов с женой, И. Г. Карнаух с женой и сыном, Джура с женой, инженер С. Д. Александров, Л. П. Ефимов, Н. П. Кобцев и др., в том числе молодые члены РФП, решившие следовать за Родзаевским — В. Мигунов, В. Гольцов, В. Сеньшин, В. Яньшина. Мартынов упоминает о том, что многих японцы заставили выехать из Харбина силой и угрозами. Поезд сопровождали японские военные, утверждавшие, что не знают места назначения, которое должно было зависеть от обстановки. Всем рекомендовалось из вагонов не выходить и в разговоры ни с кем не вступать. Поезд останавливался, менял направления, но затем японцы добились того, чтобы поезд повернул на Тяньцзинь, до которого добрались только через неделю. Здесь японцы предложили всем высадиться.

Тяньцзинь — город в 140 км от Пекина — был крупным торговым и транспортным центром с населением более 2 млн чел., в котором находились иностранные концессии. Самой большой и наиболее благоустроенной была английская концессия, главной улицей которой была Виктория-роуд. Здесь предпочитало селиться большинство иностранцев, в том числе и русские. Русская колония существовала здесь еще до революции, но стала увеличиваться за счет харбинцев, переезжавших сюда с начала 1930-х гг. после оккупации Маньчжурии Японией и к середине 1930-х гг. достигла 6 тыс. чел. [10, т. 1, с. 318].

Здесь также была и советская колония, объединенная в Общество граждан СССР (ОГС). Так как советское консульство было закрыто в 1940 г., ОГС выполняло роль официального представительства советских граждан Тяньцзиня. Оно располагалось в двухэтажном особняке на Медисон-роуд на территории английской концессии. При обществе были кружки (драматический, музыкальный, молодежи), имелась богатая библиотека с советскими книгами и журналами, амбулатория, столовая, кафе, зрительный зал со сценой, где проходили торжественные собрания, спектакли, танцевальные вечера, спортплощадка [21, с. 89]. Во время войны просоветские настроения усилились: к середине 1940-х гг. более 4 тыс. русских эмигрантов Тяньцзиня приняли советское гражданство. В своем дневнике И. И. Серебренников оставил запись от 6 января 1946 г.: «Русские эмигранты здесь продолжают подавать заявления о принятии в советское подданство и получают советские квитанции. По моим наблюдениям, усиленно потянулась теперь к Советам махровая черносотенная публика, в том числе и японофилы вчерашнего дня. Одно с другим уживается в каком-то странном смещении» [22, с. 466].

В Тяньцзине Мартынов осел более чем на три года, до конца 1948 г. — здесь у его жены Лидии Михайловны была квартира на территории английской концессии, которую она сдавала, жил брат жены, было много старых знакомых по Харбину. В Тяньцзине началась, по словам Мартынова, «обработка совагентурой» группы приехавших, в первую очередь К. В. Родзаевского и его соратников, а также группы генерала Власьевского и его сына с семьями, М. Н. Гордеева, С. А. Кудрявцева.

Главную роль в этом сыграл, по его мнению, Иван Тимофеевич Патрикеев — уполномоченный представитель СССР в Северном Китае, которого Балакшин в своей книге назвал «ловцом эмигрантских душ» [10, т. 2, с. 149]. К сожалению, информации об И. Т. Патрикееве, как сотруднике спецслужб, не удалось найти, возможно, это был псевдоним. По словам Мартынова, Патрикеев работал в Китае с 1939 г., был «хорошим специалистом, пройдя, видимо, хорошую подготовку агентурной работы», «прожженным, аморальным разведчиком», но очень «неплохим». Так как практически все советские консульства в Китае во время войны были закрыты, то дела были переданы в распоряжение Посольства СССР в Токио, и Патрикеев, по данным Мартынова, числился 2-м секретарем посольства. В 1945 г. он работал в Генеральном консульстве СССР в Пекине. Мартынов, беседовавший с Патрикеевым в Пекине, оставил его характеристику: лет 35, высокого роста, крупный, красивый, с приветливым чисто русским лицом, приятной улыбкой, производил весьма выгодное впечатление на всякого с ним говорившего. Он прекрасно одевался, был щедр, предупредителен, помогал как советским гражданам, так и эмигрантам чем только мог. По мнению Мартынова, «выбор был сделан очень удачно для выполнения им роли соавтателя российских эмигрантов в лоно соввласти» [11].

В сентябре 1945 г. в Тяньцзинь стали прибывать американские войска — дивизии морской пехоты и десантные (амфибийные) корпуса, которые были направлены в Северный Китай, чтобы воспрепятствовать захвату крупных городов войсками китайских коммунистов. Сообщение с Маньчжурией, оккупированной РККА, прервалось. Американская военная миссия обосновалась в отеле «Астор Хаус», он же стал центром американской разведки и был насыщен разными агентствами. Несколько кафе Тяньцзиня — Кислинга, «Каразас», «Бадер», «Виктория» стали сосредоточием агентов разных спецслужб, местом вербовки и сбора информации. Как отмечал Мартынов, «все нос держали по американскому ветру — большинство стали проамериканцами и просоветскими». Американские военные имели много денег, получив жалованье за два года, и, по словам Мартынова, их «буквально атаковывали везде и повсюду», давая в их честь банкеты, устраивая вечера и втягивая в «различные комбинации». Началась торговля разным американским военным имуществом — обмундированием, бельем, продуктами, оружием и патронами, в которой принимали участие и китайцы, и русские, в том числе бывшие харбинцы, причем часть оружия, по утверждению Мартынова, передавалась китайской «красной» армии. Кроме того, «общение стало заражать американцев большим разгулом, тратой необдуманно денег на разные удовольствия, предлагаемые советниками, особенно из числа совгражданок» [11].

Мартынов часто бывал в Пекине, пытаясь наладить связи с русскими эмигрантами из Харбина. Через И. Г. Карнауха и бывшего нацистского деятеля Адельберта Шульца, который переехал в Пекин из Харбина и работал переводчиком у американцев, на Мартынова вышли представители американской разведки с предложением сотрудничества. Задачей Мартынова было наблюдение за Генеральным консульством СССР в Тяньцзине, открытым осенью 1945 г. Известно, что дипломатические представители были легальным прикрытием для работы спецслужб [23]. Так, Мартынов собирал информа-

цию обо всех консульских сотрудниках, их деятельности и контактах, а также о настроениях советской колонии и русских эмигрантов в Тяньцзине. Так как никаких языков, кроме русского, Мартынов не знал, то связь с американской разведкой он поддерживал через Н. Б. Коссова.

В воспоминаниях Мартынова отдельным советским представителям, которых он считал связанными с разведкой, даны подробные характеристики. Секретарем совконсульства был старший лейтенант РККА Ершов, который ведал контрразведывательной работой, часто бывал в гостях у недавних эмигрантов, умел быть приветливым и терпеливым в разговорах «за рюмкой водки». Ершов был участником войны, орденосцем, дважды раненным в обе ноги, что, «до некоторой степени, создавало ему некоторую популярность и даже среди американских воинских чинов, что он умело использовал».

Первым секретарем консульства и резидентом был майор войск НКВД Владимир Семенович Ус — «суровый человек, видимо, с особыми правами и полномочиями». Он имел «хорошего тембра грудной голос, которым владел мастерски, в зависимости от того, какое впечатление желал произвести. В разговоре был короток и четок. Безусловно, он, видимо, принадлежал просто к талантливым НКВДистам. Вел работу по линии проведения ряда вредительских операций и против американцев, и против гоминьдановской организационной работы по восстановлению порядка в Китае» [11]. В ведении Уса находился и комендант консульства, работник НКВД Н. А. Марков.

Завхоз консульства Дарин, лейтенант-орденосец, «мрачный брюнет лет 30», ведал экономической разведкой, хорошо говорил по-китайски и имел обширную китайскую агентуру. В пару с ним по сбору данных по экономике и промышленности Северного Китая работал А. Д. Дудов — бухгалтер и дипкурьер. Он хорошо владел китайским языком, держался в стороне от советской колонии, имея больше дела с китайцами. Старшим дипкурьером был В. И. Зарин, лейтенант РККА, ведавший наружным наблюдением у Уса и Ершова за всеми, привлекавшими внимание. Был он среднего роста, около 30 лет, всегда отлично одевался, владел китайским, английским и немецким языками. По свидетельству «совактивистов» Тяньцзиня, Зарин ведал фотографическим кабинетом в консульстве. Отдельно Мартынов упоминал учителя английского языка в консульстве Джемса Робертвича Вардроппера — англичанина, убежденного коммуниста, который вырос и получил образование в России. Он также хорошо владел немецким, китайским и японским языками. Кроме преподавания английского языка сотрудникам консульства, он работал в отделе Уса, как предполагал Мартынов, по оперативной линии — информации и пропаганды среди иностранцев в Северном Китае.

В начале 1946 г. в Тяньцзине было открыто Торгпредство СССР, Тяньцзиньская торговая палата, в которую вошли все известные предприниматели из эмигрантов, принявших советское гражданство. Председателем палаты стал бывший белый офицер, принявший советское гражданство, А. И. Серебренников. По мнению Мартынова, Тяньцзиньская торговая палата вела работу по трем направлениям: распространение продукции СССР в Китае (Мартынов считал, что это был камуфляж — продукция было мало и плохого качества, спроса на нее

не было); экономическая разведка под видом изучения рынка Северного Китая; и как вспомогательная линия для снабжения частей китайской «красной» армии вооружением, литературой, деньгами, взрывчатыми веществами.

Генеральное консульство СССР в Тяньцзине руководило также работой ОГС. Особую активность проявлял женотдел ОГС под руководством И. П. Островской. Мартынов писал о том, что они «мобилизовали» всех барышень, знающих английский язык, на работу среди американцев — офицеров и солдат, с прицелом на «разложение американской армии и обработку в просоветском духе». Правлению женотдела, как правило, поручалось устройство всякого рода банкетов, приветствий и встреч как советских высших руководителей, так и, главным образом, американских воинских чинов. Чтобы удобнее было «совдамам» обрабатывать американцев, для них были открыты курсы английского языка.

При ОГС было организовано объединение молодежи, руководить которым было поручено журналисту и писателю Хрисанфу Попову — забайкальскому казаку, одному из участников организации Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) в Шанхае. По словам Мартынова, он переменялся «под влиянием советской пропаганды о подчинении России американскому влиянию и руководству». Инструктором военной подготовки советской молодежи был подполковник Виктор Ефимович Ишанькин — Георгиевский кавалер, окончивший в военное время Владимирское военное училище, показавший себя во время Гражданской войны боевым и храбрым офицером. Руководителем спорта при ОГС был Георгий Малакен — сын известного генерала В. П. Малакена. Мартынов упоминал еще многих бывших активных антикоммунистов, офицеров Белой армии, перешедших в советское гражданство и ставших советскими активистами: полковника Михайлова из Ижевской дивизии, полковника И. И. Забиякина и др. Мартынов пытался понять, что заставляло активных противников советской власти переходить на сторону СССР, какие способы и инструменты использовали советские агенты для «заражения совпатриотизмом», и приходил к выводу, что «покупали» эмигрантов, играя на патриотических чувствах и слабостях характера — честолюбия, амбиций.

Мартынов в своих воспоминаниях затрагивает политику СССР и США в Северном Китае в послевоенный период, когда отношения между союзниками стали портиться, причем СССР не желал открыто ввязываться в конфликт с США. Северный Китай после капитуляции Японии стал местом серьезного противостояния Гоминьдана и Коммунистической партии Китая (КПК), за которыми стояли США и СССР. Руководство КПК приказало своим войскам установить контроль над возможно большей территорией Северного Китая, развернув широкую антиамериканскую кампанию за вывод американских войск под лозунгом «Янки — вон из Китая». Советское руководство поддержало требование КПК о немедленном выводе американских войск из Китая, используя трибуну ООН и другие международные форумы [24, с. 203–204].

Дело осложнялось тем, что СССР, заключив 14 августа 1945 г. договор с Гоминьданом о дружбе и союзе, признавал Национальное центральное правительство, возглавляемое Чан Кайши, как единственное законное правительство Китая.

Но после освобождения Маньчжурии частями РККА в августе 1945 г. советское правительство взяло курс на то, чтобы передать Маньчжурию в руки китайских коммунистов. А. М. Ледовский, который с 1942 по 1952 гг. находился на дипломатической работе в Китае в качестве сначала секретаря советского посольства, а затем генконсула СССР в Пекине, утверждал, что, когда наступил установленный договором срок для вывода из Маньчжурии советских войск (три месяца после капитуляции Японии), и правительство Чан Кайши собиралось перебросить в Маньчжурию свои войска, Москва не позволила использовать для переброски гоминьдановских войск Порт-Артур и Дальний, а также транспортные средства Китайско-Чанчуньской железной дороги (КЧЖД) [24, с. 9].

По договору 14 августа 1945 г. КЧЖД перешла в совместную собственность СССР и Китая на паритетных началах, и Гоминьдан направил в Маньчжурию своих специалистов. Мартынов утверждал, что формально советские представители дали словесное и письменное согласие на въезд их в Маньчжурию, но фактически все китайцы, направленные Гоминьданом на разные должности на дорогу, на пути следования из вагонов высаживались и иногда бесследно исчезали. Этим, по словам Мартынова, занималась команда из советской молодежи (около 15 чел.), руководимая «совбоевиком» Титовым («неплохой художник, среднего роста, крепкий блондин 23–24 лет, с широким русским лицом, отчаянный и напористый, владевший хорошо китайским и английским языками»). Вся эта команда была одета в форму НКВД и, остановив поезд, проверяла у всех документы, и китайцев, командированных в Маньчжурию, высаживала и отправляла в Дайрен. Работала эта команда между Мукденом и Чанчунем, где полотно дороги было наполовину разрушено, что облегчало это «вредительство». Титов рассказывал об этом в кафе «Виктория» в Тяньцзине как раз после этих операций. На протесты со стороны китайского Национального правительства советские представители отвечали, что все это делалось Гоминьданом с целью спровоцировать СССР.

Мартынов посвятил много страниц воспоминаний формированию советской агентурой антиамериканских настроений, натравливанию китайцев на американских военных, доходившему до избиений американцев китайцами и «совактивистами». Мартынов утверждал, что американцев специально спаивали в китайских ресторанах Тяньцзиня (например, в ресторане «Роза», в пассаже И-Чин-Ли), после чего их увозили в неизвестном направлении, а затем трупы американских военных обнаруживались в грязных каналах Тяньцзиня и его окрестностях. На стенах и улицах стали появляться надписи мелом и углем — обращения к американцам, чтобы они уходили из Китая к себе. Одно время, писал он, была серия похищений американских джипов, которые перекрашивались и продавались китайцам (во главе угонщиков — советских активистов — были Агранович и его подручный Мурат).

Мартынов во всем видел работу соагентуры — даже в драках в ресторанах: например, в кабачке «Таверна» пасынок генерала Вержбицкого, принявший советское гражданство, подрался с пьяными американцами. Американцев же обвинили в смерти доктора З. Л. Нельского. Мартынов утверждал, что это был несчастный случай, тем не менее все инциденты использовались для антиамериканской пропаганды. Совруководство хотело создать серьезное

дело по обвинению американских военных чинов в безобразном поведении и враждебном отношении к русским. В общем-то Мартынов верно оценивал цели и задачи советской разведки. Необходимо отметить, что в воспоминаниях Мартынова частично нашло отражение советско-американское противостояние, в котором, в конечном счете, США «потеряли» Китай после поражения Гоминьдана в гражданской войне и образования КНР в октябре 1949 г. В «Белой книге по Китаю», опубликованной Госдепартаментом США в 1949 г., главным виновником поражения Гоминьдана и политики США в Китае был назван СССР, помощь и поддержка которого китайским коммунистам стала решающим фактором, определившим исход гражданской войны в пользу КПК [24, с. 46].

Американское присутствие в Северном Китае уже в освещении советской историографии было названо империалистической интервенцией, в которой американские «оккупанты» пришли на смену японцам, вели себя, как в «покоренной стране, вызывая ненависть у населения», и «бесчинствам и насилиям американских захватчиков» положил конец приход Народно-освободительной армии [25, с. 13]. В связи с этим, представляется, что изучение новых источников по противостоянию разведок внесут новые штрихи в освещение китайской политики СССР.

Многие факты, приведенные в воспоминаниях, трудно проверить, возможно, что указанные фамилии советских агентов были вымышленными. Но некоторые персонажи реальны: Генконсул СССР в Тяньцзине в 1946–1948 гг. И. Ф. Курдюков, В. С. Ус и др. Описывая роль С. Л. Тихвинского в контроле над Пекинской Духовной миссией и переходе ее в ведение Московской патриархии, Мартынов называет его подполковником, что действительно подтверждается: известный востоковед, дипломат Сергей Леонидович Тихвинский, работавший после войны в Генконсульстве СССР в Пекине, был в то же время работником спецслужб в звании подполковника с 16 августа 1943 г. [26, с. 843]. Его консульская работа имела в Китае свою специфику: Тихвинский «пытался наладить контакты с бывшими соотечественниками, сгладить по возможности противоречия и использовать завязавшиеся связи на благо обеим сторонам», уделял внимание «укреплению позиций Русской духовной миссии в Пекине», пополнению личного состава Миссии, оказанию ей финансовой помощи и т. д. [см. 27]. Это утверждение, основанное на документах, вполне коррелируется с текстом Мартынова.

Выводы и дискуссия. Работа советских спецслужб среди эмигрантов считается одной из замечательных страниц истории советской разведки. «Дважды эмигрант» и советский разведчик К. В. Хенкин считал, что «работа против эмиграции, с эмиграцией и, наконец, через нее — вот область, в которой советские власти давно имеют огромный, не имеющий себе равного в мире и истории опыт» [28, с. 25]. Высоко оценивая деятельность советской разведки в Северном Китае, Мартынов в своих воспоминаниях указывал на удачный подбор кадров (внешность, обаяние, умение держаться, разговаривать и убеждать, попадая в унисон с настроениями), умелую игру на патриотических чувствах, а также антияпонских и антиамериканских настроениях эмигрантов в сочетании с шантажом и угрозами. Послевоенная ситуация, когда эмигранты массово перешли в советское гражданство и репатрировались

в СССР, победа коммунистического Китая показали эффективность работы советских представителей. Несмотря на то, что воспоминания Мартынова тенденциозны, не свободны от предвзятости, написаны в определенных условиях, они ценны своим особым взглядом и углом зрения. В связи с тем, что источники по изучению советских спецслужб зачастую недоступны, информация об их деятельности остается неполной. Поэтому привлечение эмигрантских источников, эго-документов с их оценкой с противоположной стороны, конечно, при условии тщательной верификации, позволяет сделать картину работы советской разведки более объемной.

Библиографический список

1. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). Москва: Кучково Поле, 2010. 608 с.
2. Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.
3. Базанов П. Н. Братство Русской правды — самая загадочная организация Русского зарубежья. Москва: Содружество Посев, 2013. 424 с.
4. Голдин В. И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск – Мурманск: СОЛТИ, 2005. 616 с.
5. Лота В. И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. Москва: Кучково Поле, 2008. 664 с.
6. Мозохин О. Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). Москва: ООО Родина-медиа, 2012. 480 с.
7. Усов В. Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. Москва: Олма-пресс, 2002. 384 с.
8. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 454 с.
9. Kuromiya Hiroaki. Stalin, Japan, and the Struggle for Supremacy over China, 1894–1945. Taylor & Francis, 2023. 543 p.
10. Балакшин П. П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. / биогр. очерк, коммент., биогр. указ. имен А. А. Хисамутдинова. Москва: Государственная публичная историческая библиотека России.
Т. 1. 2013. 527 с.
Т. 2. 2013. 495 с.
11. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). N. A. Martynov collection. Box #1.
12. Российский государственный военный архив. Ф. 409. Оп. 1. Д. 75981.
13. Гун-бао (Харбин). 1937. 12 января.
14. Кротова М. В. Синдром антибольшевизма на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 71–77.
15. Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920–конец 1940-х годов) // ЛитРес. 2019. 940 с.
16. Еремин С. Любимый Харбин: сборник рассказов о самом русском по происхождению и по духу из всех китай-

ских городов — Харбине. Владивосток: Морск. гос. ун-т, 2015. 250 с.

17. Седунов А. В. «Белые террористы» на Северо-Западе России в 1920–1930-е годы // Псков. 2012. № 36. С. 157–171.
18. Аурилене Е. Е. Тайная служба Третьего отдела: из истории Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение. Хабаровск: ДЮИ МВД РФ, 2018. С. 315–320.
19. BAR. A. P. Vorobchuk collection. Papers. Box #1.
20. Кротова М. В., Петин Д. И. Людмила Абрамова (1914–2001): судьба харбинской ре-патриантки в зеркале антропологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 110–124. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124.
21. Караев Б. А. Восточный ветер: Воспоминания и размышления. Екатеринбург: Изда-во Урал. ун-та, 2003. 188 с.
22. Хисамутдинов А. А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 640 с.
23. Колпакиди А. И., Мзареулов В. К. Советская внешняя разведка. 1920–1945 годы. История, структура и кадры. Москва: Родина, 2021. 432 с.
24. Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. Москва: Памятники исторической мысли, 1999. 344 с.
25. Никитин Н., Федоров И. Тяньцзинь. Москва: Типография им. А. А. Жданова, 1953. 44 с.
26. Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. Москва: Мемориал; Звенья, 2010. 1008 с.
27. Гусева Е. С. Л. Тихвинский — дипломат, историк, востоковед. К 100-летию со дня рождения // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 3–36.
28. Хенкин К. Русские пришли. Тель-Авив: Книготорговство Москва–Иерусалим, 1984. 359 с.

КРОТОВА Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 3221-2527
AuthorID (РИНЦ): 717684
ORCID: 0000-0001-7948-0251
Адрес для переписки: mary_krot@mail.ru

Для цитирования

Кротова М. В. Деятельность советских спецслужб среди русской эмиграции в послевоенном Северном Китае (по воспоминаниям Н. А. Мартынова) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 2. С. 66–73. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-66-73.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023 г.
© М. В. Кротова

THE ACTIVITIES OF SOVIET INTELLIGENCE SERVICE AMONG RUSSIAN EMIGRATION IN POST-WAR NORTHERN CHINA (ACCORDING TO THE MEMOIRS OF N. A. MARTYNOV)

The study, based on the unpublished memoirs of the Russian émigré N. A. Martynov, is devoted to the activities of the Soviet intelligence service among the Russian emigration in Northern China after World War II in the context of the Soviet-American confrontation in the initial period of the Cold War. The methodological basis of the work is the anthropological approach and the principle of consistency. Emphasis is placed on the work of the Soviet consulate and other organizations to split the Russian emigration in Tianjin, its Sovietization and subsequent repatriation.

Keywords: Soviet intelligence service, ego-documents, Northern China, USA, Russian emigration, Tianjin, Beijing, N. A. Martynov.

References

1. Alekseyev M. Sovetskaya voyennaya razvedka v Kitaye i khronika «kitayskoy smuty» (1922–1929) [Soviet Military Intelligence in China and the Chronicle of the «Chinese Troubles» (1922–1929)]. Moscow, 2010. 608 p. (In Russ.).
2. Aurilene E. E. Rossiyskaya diaspora v Kitaye (1920–1950-e gg.) [The Russian Diaspora in China (1920–1950s)]. Khabarovsk, 2008. 268 p. (In Russ.).
3. Bazanov P. N. Bratstvo Russkoy pravdy — samaya zagadochnaya organizatsiya Russkogo Zarubezh'ya [Russian Truth Brotherhood is the most mysterious organization of the Russian Diaspora]. Moscow, 2013. 424 p. (In Russ.).
4. Goldin V. I. Rokovoy vybor. Russkoye voyennoye Zarubezh'ye v gody Vtoroy mirovoy voyny [A fateful choice. Russian military emigration during the Second World War]. Arkhangel'sk — Murmansk, 2005. 616 p. (In Russ.).
5. Lota V. I. Za gran'yu vozmozhnogo: Voyennaya razvedka Rossii na Dal'nem Vostoke 1918–1945 gg. [Beyond the limits of the possible: Russian Military intelligence in the Far East. 1918–1945]. Moscow, 2008. 664 p. (In Russ.).
6. Mozokhin O. B. Protivoborstvo. Spetssluzhby SSSR i Yaponii (1918–1945) [Confrontation. Intelligence services of the USSR and Japan (1918–1945)]. Moscow, 2012. 480 p. (In Russ.).
7. Usov V. N. Sovetskaya razvedka v Kitaye. 20-e gody XX veka [Soviet intelligence in China. The 20s of the twentieth century]. Moscow, 2002. 384 p. (In Russ.).
8. Usov V. N. Sovetskaya razvedka v Kitaye. 30-e gody XX veka [Soviet intelligence in China. The 30s of the twentieth century]. Moscow, 2007. 454 p. (In Russ.).
9. Kuromiya Hiroaki. Stalin, Japan, and the Struggle for Supremacy over China, 1894–1945. Taylor & Francis, 2023. 543 p. (In Engl.).
10. Balakshin P. P. Final v Kitaye: vzniknoveniye, razvitiye i ischeznoveniye beyol emigratsii na Dal'nem Vostoke: v 2 t. [The Final in China: the emergence, development and disappearance of white emigration in the Far East: in 2 vols.]. Moscow, 2013. (In Russ.).
Vol. 1. 2013. 527 p. (In Russ.).
Vol. 2. 2013. 495 p. (In Russ.).
11. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). File: N. A. Martynov collection / Box #1. (In Engl.).
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. File: 75981/1/409. (In Russ.).
13. Gun-bao. *Gun-bao* (Harbin). 1937. January 12. (In Engl.).
14. Krotova M. V. Sindrom antibol'shevizma na Dal'nem Vostoke [Anti-Bolshevism syndrome in the Far East] // *Voyenno-istoricheskii zhurnal. Military History Magazine*. 2014. No. 10. P. 71–77. (In Russ.).
15. Smirnov S. V. Dal'nevostochnyy tupik: russkaya voyennaya emigratsiya v Kitaye (1920–konets 1940-ykh godov) [The Far Eastern Impasse: Russian Military Emigration in China (1920–late 1940s)] // *LitRes. LitRes*. 2019. 940 p. (In Russ.).
16. Eremin S. Lyubimyy Kharbin: sbornik rasskazov o samom russkom po proiskhozhdeniyu i po dukhu iz vseh kitayskikh gorodov — Kharbine [Favorite Harbin: a collection of stories]. Vladivostok, 2015. 250 p. (In Russ.).
17. Sedunov A. V. "Belye terroristy" na Severo-Zapade Rossii v 1920–1930-e gody «Belyye terroristy» na Severo-Zapade Rossii v 1920–1930-e gody [«White terrorists» in the North-West of Russia in the 1920s and 1930s] // *Pskov. Pskov*. 2012. No. 36. P. 157–171. (In Russ.).
18. Aurilene E. E. Taynaya sluzhba tret'yego otdela: iz istorii Byuro po delam rossiyskikh emigrantov v Man'chzhurskoy imperii [The Secret Service of the third department: from the history of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire] // *Kul'turno-istoricheskoye naslediyе Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: issledovaniye i sokhraneniye* [Cultural and historical heritage of Russia and the countries of the Asia-Pacific region: research and preservation]. Khabarovsk, 2018. P. 315–320. (In Russ.).

19. BAR. A. P. File: Vorobchuk collection. Papers. Box # 1. (In Engl.).
20. Krotova M. V., Petin D. I. Lyudmila Abramova (1914–2001): sud'ba kharbinskoi repatriantki v zerkale antropologii [The Fate of Harbin Repatriate in the Mirror of Anthropology: Lyudmila Abramova (1914–2002)] // Vestnik RUDN. *RUDN Journal of Russian History*. 2023. Vol. 22, no. 1. P. 110–124. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-110-124 (In Russ.).
21. Karaev B. A. Vostochnyy veter: Vospominaniya i razmyshleniya [The East Wind: Memories and Reflections]. Yekaterinburg, 2003. 188 p. (In Russ.).
22. Khisamutdinov A. A. Russkiye volny na Pasifike: iz Rossii cherez Kitay, Koreyu i Yaponiyu v Novyy svet [Russian waves on the Pacific: from Russia through China, Korea and Japan to the New World]. Beijing; Vladivostok, 2013. 640 p. (In Russ.).
23. Kolpakidi A. I., Mzareulov V. K. Sovetskaya vneshnyaya razvedka. 1920–1945 gody. Istoriya, struktura i kadry [Soviet foreign intelligence. 1920 – 1945 years. History, structure and personnel]. Moscow, 2021. 432 p. (In Russ.).
24. Ledovskiy A. M. SSSR i Stalin v sud'bakh Kitaya. Dokumenty i svidetel'stva uchastnika sobytii: 1937–1952 [The USSR and Stalin in the fate of China. Documents and testimonies of the participant of the events: 1937–1952]. Moscow, 1999. 344 p. (In Russ.).
25. Nikitin N., Fedorov I. Tyan'tsin' [Tianjin]. Moscow, 1953. 44 p. (In Russ.).
26. Petrov N. V. Kto rukovodil organami gosbezopasnosti, 1941–1954: Spravochnik [Who led the state security agencies, 1941–1954: Handbook]. Moscow, 2010. 1008 p. (In Russ.).
27. Guseva E. S. L. Tikhvinskiy — diplomat, istorik, vostokoved. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya [S. L. Tikhvinsky is a diplomat, historian, orientalist. To the 100th anniversary of his birth] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. *International Life*. 2018. No. 9. P. 23–36. (In Russ.).
28. Khenkin K. Russkiye prishli [The Russians have come]. Tel Aviv: Moscow, 1984. 359 p. (In Russ.).

KROTOVA Mariia Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of International Relations, Mediology, Political Science and History Department, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg.
 SPIN-code: 3221-2527
 AuthorID (RSCI): 717684
 ORCID: 0000-0001-7948-0251
 Correspondence address: mary_krot@mail.ru

For citations

Krotova M. V. The activities of Soviet intelligence service among Russian emigration in post-war Northern China (according to the memoirs of N. A. Martynov) // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 66–73. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-66-73.

Received January 26, 2023.
 © **M. V. Krotova**